

Цзи Цинюэ проснулся, когда солнце уже поднялось высоко — вчерашний день выдался хлопотным, он действительно сильно устал.

За несколько дней он уже привык к распорядку дня семьи Ли, к такому режиму, какому сам следовать не мог. Даже проспав до восхода солнца, они неизменно поднимались до или во время рассвета, примерно в четыре-пять часов утра — от мала до велика, все один за другим. Вслед за этим раздавались самые разные звуки: каждый занимался своим делом — подметал двор, кормил кур, уток, свиней и овец, носил воду для овощей, готовил еду, хлопоча внутри и снаружи. Каждый день они проживали почти одинаково.

Обычно, закончив дела во дворе, они уходили из дома, но сегодня они долго не уходили, а что-то стучали и колотили во дворе, так шумно, что Цзи Цинюэ не мог уснуть.

Раз уснуть не удавалось, оставалось только встать вместе со всеми.

Цзи Цинюэ посмотрел на телефон: батарея как раз дошла до критической отметки автоматического отключения. При нынешней скорости разрядки стоило запустить любое приложение, и телефон тут же выключился бы.

В самый-самый последний момент ему захотелось оставить на память хоть что-нибудь.

Поэтому он поспешно встал, потрогал вывешенную с вечера одежду — сухой ночной ветерок и впрямь высушил все вещи. Он надел одежду и обувь, взял телефон и открыл камеру.

Повернувшись к восходящему солнцу, утренний ветер принёс с собой лёгкую прохладу, он растянул губы в улыбке и показал знак мира.

Раздался щелчок — осталась на память особенная фотография.

В следующую секунду экран телефона погас, устройство автоматически отключилось.

Люди на улице уже вовсю хлопотали, ему тоже нужно было взбодриться!

Тогда Цзи Цинюэ поставил перед собой задачу на сегодня: починить хижину.

Дикая трава, рассыпанная сплошным ковром перед хижинкой, за ночь полежала и кое-где уже увяла: ни зелёная, ни жёлтая — полусухая и полумёртвая.

Он стоял на месте, долго не решаясь сделать следующий шаг — дело было не в брезгливости, он просто не знал, как чинить крышу.

Когда чего-то не знаешь, нужно понаблюдать.

Цзи Цинюэ осторожно приподнял солому на стене, присмотрелся к стыкам и технике плетения, кивнул — глаза вроде бы научились.

Когда он принялся делать сам, получилось сплошное безобразие.

Похоже, дикую траву следовало нарезать одинаковой длины, чтобы плетение выглядело красивее и ровнее и сквозь него не так легко просачивались свет и вода.

Нельзя винить Цзи Цинюэ в рукожопости — просто под рукой не оказалось подходящих инструментов, при рубке травы он испортил уже несколько каменных ножей, поэтому он решительно отказался от попыток улучшить внешний вид хижины и принялся просто закладывать дикой травой места в крыше, куда падал свет, а где не хватало — докладывать ещё.

Руководствуясь кустарным принципом «не хватает качества — возьмём количеством», Цзи Цинюэ повозился некоторое время и наконец объявил дело выполненным.

Он лёг в хижине, глядя вверх, полюбовался плодами своего труда и невольно почувствовал умиротворение: наконец-то свет больше не проникает.

Но стоило ему выйти наружу, как ему стало стыдно.

Со стороны хижины теперь было трудно подобрать приличное описание.

Дикую траву скосили только вчера, она не совпадала по цвету с первоначальной соломой на хижине: во многих местах желтизна перемежалась с зеленью, проступала синева, три цвета совершенно бессистемно смешивались друг с другом — посреди желтизны то тут, то там торчали зелёные пятна, да и техника починки оставляла желать лучшего.

Выглядело отвратительно, крайне отвратительно.

Цзи Цинюэ помрачнел, но в конце концов решил просто не обращать внимания — раз не видишь, значит, этого нет.

Скошенная вчера трава ещё не вся ушла, так что, прибравшись на расчищенной площадке, Цзи Цинюэ снова прилёг: а та трава, что осталась лежать у берега реки, пусть пока так и лежит — сходит за ней, когда снова понадобится.

Когда с починкой крыши было покончено, уже наступил полдень, солнце висело прямо над головой. Цзи Цинюэ сидел в хижине, погрузившись в задумчивость, и снова размышлял о

средствах к существованию.

Он размышлял об этой большой пустой площадке перед хижинкой.

Если попросить Четвёртого брата Ли принести немного семян, выполнимо ли это?

Цзи Цинюэ поразмыслил и всё же решил отложить этот план: семена для крестьянской семьи важнее лепёшек с кунжутом, их наверняка запирают на замок. Не просить же пятилетнего ребёнка лгать и воровать семена? Подобное он уже совершил однажды, как бы ему ни не хотелось в этом признаваться, но именно он заставил ребёнка украсть кунжутную лепёшку. В итоге мальчику досталось избиение, и он до сих пор не встаёт с постели.

Такую ошибку ни в коем случае нельзя совершать во второй раз.

Нельзя просить Четвёртого брата Ли тайком принести семена — что же тогда делать?

Цзи Цинюэ болтал ногами и постепенно погружался в оцепенение.

Вдруг доселе очень тихий двор в одно мгновение ожил, словно закипевшая вода: толпа людей смеялась и шумела, стояло необыкновенное веселье.

Где-то неподалёку Четвёртый брат Ли, лежа на животе, надрывал голос, крича так, что звуки из далёкой комнаты неслись через двор напрямик в кабинет:

— Третий брат! Это Третий брат вернулся?! Третий брат! Подойди взглянуть на меня!

Госпожа Ли с улыбкой укоряла во дворе:

— Третий, не балуй его!

После чего с напускным видом преградила путь Третьему брату Ли, громко произнося:

— Третий, ты только что вернулся, пойдёшь посиди в главной комнате, твоя невестка уже приготовила полуденную трапезу!

Лежавший в комнате Четвёртый брат Ли горько завывал:

— Не хочу! Не хочу! Третий брат, иди сюда! Матушка, позволь Третьему брату взглянуть на меня! Я так давно не видел Третьего брата, что скоро забуду, как он выглядит!

Все вокруг рассмеялись, и госпожа Ли не удержалась:

— Ступай наведи его, он всё это время только и делал, что говорил о тебе.

Третий брат Ли отвесил поклон:

— Слушаюсь матушкиного повеления.

Это рассмешило госпожу Ли, и она тут же шутливо обозвала его проказником.

Войдя в комнату, Третий брат Ли увидел Четвёртого брата Ли, который лежал на канте лицом вниз, кривясь от боли. Ему было одновременно весело и жалко брата:

— Как твоя задница?

— Старший брат, не смейся надо мной!

Третий брат Ли скинул обувь, забрался на кант и заглянул под задницу младшего — там всё ещё держался отёк.

— Что, даже Третьему брату не хочешь сказать?

Четвёртый брат Ли сжал губы, отказываясь отвечать. Третий брат Ли не стал допытываться и сменил тему:

— Готов ли ты к поступлению в осеннюю школу?

— За эти дни я уже заучил наизусть Вверх повелитель! Не послушать ли Третьему брату?

Не дожидаясь отказа Третьего брата Ли, он затараторил сам и вскоре без единой ошибки отчеканил весь текст. Затем Четвёртый брат Ли принял горделивый вид:

— Третий брат, как тебе?

— Четвёртый отлично справился! А понятен ли тебе смысл этих строк?

Четвёртый брат Ли с гордостью на лице произнёс:

— Я выучил только первые четыре строки.

И снова не дав Третьему брату Ли объяснить смысл этих первых четырёх строк...

Четвёртый брат Ли рассказывал неплохо, и Третий брат Ли решил, что его учили Старший и Второй братья, поэтому он больше не скупился на похвалу:

— Неплохо!

Новелла еще не закончена, пожалуйста, нажмите на следующую страницу, чтобы читать дальше!

В этот момент в дверях появилась Пятая малютка Цзиньнян и звонким, очень кокетливым голоском позвала:

— Третий брат, кушать зову!

— Цзиньнян, подожди немного, Четвёртый он... — Третий брат Ли с беспокойством взглянул на человека на кровати.

Цзиньнян мягко ответила:

— Третий брат может не беспокоиться, эти дни после еды Старший и Второй братья приходят составить Четвёртому компанию за обедом.

Третий брат Ли слез с канта и обулся:

— Хорошо, я скоро вернусь к Четвёртому!

— Третий брат, я жду тебя!

Оказывается, стук во дворе сегодня был вызван подготовкой к расчистке земель, которая начнётся через несколько дней. Семья Ли достала все пригодные земледельческие орудия: что нужно починить — починили, что отшлифовать — отшлифовали, где требовалось сменить рукояти — сменили, в общем, привели всё в порядок.

Третий брат Ли вошёл в главную комнату, где семья уже ждала за столом. Старший брат Ли держал на руках малыша, который уже умел стоять, ходить и звать отца — очень живого и подвижного, сейчас он всю подпрыгивал на коленях Старшего брата Ли.

Прошло всего полгода разлуки, а карапуз сильно вырос.

Пара блюд ещё не была готова, и Третий брат Ли сначала занялся малышом. Старший брат Ли

держал сына:

— Туаньлань, посмотри, кто это? Узнаёшь Третьего дядю?

Дедушка и бабушка Ли сидели на главных местах, улыбаясь так, что глаза скрывались за морщинками. На самом деле дедушка с бабушкой были ещё не старыми, им не было и шестидесяти, они по-прежнему оставались мастерами на все руки в полевых работах, просто крестьяне, опалённые палящим солнцем и ветрами, носили на лицах глубокие бороздки морщин. Сейчас же, глядя на то, как вокруг них кружатся дети и внуки, они были счастливее всех.

Поначалу малыш Туань не узнавал Третьего брата Ли, испуганно жался к отцу. Третий брат Ли немного потетешкал его, несколько раз подбросил вверх, и пухлый малыш постепенно привык:

— Папа, Третий дядя...

Третий брат Ли улыбнулся:

— Туаньлань, я твой Третий дядя!

Госпожа Ли и невестка Ли Сюй-ши вынесли последние два блюда:

— Еда готова!

— Садимся за стол!

Тут Третий брат Ли предложил:

— Тятя, давайте вынесем Четвёртого, пусть пообедает с нами. Здесь так весело, а он там один, неизвестно как скучает.

Второй брат Ли с улыбкой поддержал первым:

— Отличная идея у Третьего! Старший брат, пошли со мной вдвоём!

И вот Четвёртый брат ещё не появился, а его возбуждённый голос уже донёсся издалека.

Госпожа Ли заметила:

— Ишь этот мальчишка, до чего рад!

Старший брат Ли нёс младшего брата на спине и бережно усадил его на стул, предусмотрительно покрытый мягким подкладом. Четвёртый брат Ли скривился от боли, а затем с виноватым видом глупо усмехнулся.

Трапеза началась!

— В этот раз каникулы на одежду продлятся больше месяца, я пойду с вами расчищать целину.

Хотя Третий брат Ли всё ещё учился, крестьянской работы он чурался мало — после наступления весны в академии тоже давали полевые каникулы, чтобы студенты могли вернуться домой на весеннюю пахоту, поэтому его предложение пойти вместе на раскорчёвку ни у кого не вызвало возражений.

У бабушки Ли уже выпали все зубы, отчего вид у неё был необычайно добрый. Она спросила:

— А как Третьему жилось в академии?

— Бабушка, в академии мне жилось хорошо, наставники и соученики очень дружелюбны, а то, чему нас учат, приносит огромную пользу!

Радость Третьего брата Ли не казалась фальшивой, и домашние наконец успокоились.

Деревня находилась далеко от уездного города, путь туда и обратно отнимал большую половину дня, к тому же в академии действовали строгие правила: отдых давался лишь раз в десять дней, поэтому родным было трудно выбрать время, чтобы навестить Третьего брата Ли.

Бабушка Ли кивнула:

— Хорошо, раз хорошо, то и ладно.

За обеденным столом то и дело вспыхивали весёлые смешки.

Однако то, о чём Третий брат Ли собирался рассказать дальше, омрачило всех:

— Сегодня, когда я выходил из академии и проходил мимо уездного города, я слышал, что цены на рис в зернолавках и на шёлк в лавках тканей подскочили. Надо полагать, и на всё остальное это так или иначе повлияет, цены тоже пойдут вверх.

Третий брат Ли обычно зарывался в книги, создавая впечатление человека, глухого и слепого ко всему за окном, но на деле он проявлял исключительное внимание к ценам в уезде — не только ради себя самого, но и ради семьи.

Дед Ли и отец Ли были поражены и принялись расспрашивать:

— Насколько поднялись?

— Доу риса уже подорожал до двадцати вэней, белая мука — до тридцати семи, а сырой шёлк стоит уже четыреста вэней.

Госпожа Ли испугалась, услышав это:

— Доу риса — двадцать вэней? Сырой шёлк — четыреста? Из-за чего они так сильно подорожали?

Первым предположением у всех, разумеется, стало: быть войне!

Рис подорожал почти на семь вэней, а цена на шёлк и вовсе подскочила вдвое.

Третий брат Ли покачал головой и спросил:

— Отец, матушка, сколько у нас дома осталось запасов зерна?

Отец Ли прикинул в уме:

— Если вычесть четырнадцать ши зерна на подати, вернуть прошлогодние долги да оставить семена на будущий год, то при бережном потреблении нашей семье как раз хватит до следующего осеннего сбора.

Второй брат Ли спросил:

— А серебро и деньги?

— За вычетом платы за обучение Третьего и Четвёртого, если отложить на семена, аренду вола и повседневные расходы, остального хватит лишь на встречу нового года...

Это означало, что денег почти не осталось. Заболей кто-нибудь в семье — и придётся распродавать зерно и землю, чтобы раздобыть монеты.

Учёба в те времена оставалась роскошью: только за обучение одного Четвёртого ежегодно приходилось отдавать по четыре-пять лянов, Третий же учился в уездной школе, плата за его обучение была ещё выше, да и для Туаня нужно было заранее копить на учёбу.

Покупка саженцев и семян пряностей, которую планировал Второй брат, судя по всему, откладывалась.

Третий брат Ли понимал, что львиная доля расходов семьи уходит на него и Четвёртого — на учебу уходило три четверти всех средств семьи. Поразмыслив, он напутствовал:

— Отец, нынче цены на зерно высоки, наверняка найдется немало желающих его продать. Но обстановка сейчас неясная, зерно у нас на вес золота, так что лучше проявить осторожность и воздержаться от опрометчивых шагов.

Старший брат Ли нахмурился.

Второй брат Ли недоумённо протянул:

— Третий, объясни толком, я не понимаю — почему нельзя воспользоваться высокими ценами на зерно и продать побольше?!

Третий брат Ли и Второй брат Ли родились с разницей всего в один год, но обладали совершенно разными характерами: чем бы они ни занимались, один был спокойным, а второй — крайне вспыльчивым. Среди четырёх братьев больше всего душевного спокойствия матушке Ли доставлял именно Третий брат Ли.

Третий брат Ли погладил руку Второго брата, призывая того не горячиться:

— Сейчас ни начальник академии, ни наставники ничего не говорили о том, что правительство собирается воевать, да и с приграничных рубежей не поступало крупных вестей. Иначе военный приказчик непременно отозвал бы назад отца, Старшего брата и других солдат, находящихся дома на отдыхе. Надо полагать, взлёт цен спровоцирован на местах. Цзяннань — важнейший край производства шёлка, и если это должно отразиться на ценах на северный шёлк, то здесь требовалось бы централизованное управление южан. Всем известно о разногласиях Севера и Юга, и больше всего нынешнего государя тревожит именно Юг. Государю на троне нет еще и трёх лет, налоги повышают раз за разом, и кто знает, не собираются ли они... снова выпустить новый торговый налог, который и взбесил тех людей.

Пространное объяснение Третьего брата Ли звучало вполне разумно, и у всех ёкнуло сердце. Стоило заговорить о налоговой реформе, как становилось невыносимо — как бы её ни реформировали, ноша на плечах крестьян неизменно становилась лишь тяжелее.

Второй брат Ли внезапно прозрел:

— Выходит так... Чего же добиваются эти купцы из Цзяннаня? Идти яйцом против камня и противостоять императорскому двору? Если цены на зерно взлетели, а зерна в избытке, им еще можно как-то торговать. Но если те, у кого зерна мало, бросятся менять его на серебро, не

воспользуются ли они моментом, когда зерна начнет не хватать, чтобы снова взвинтить цены?

Увидев, как Третий брат Ли кивнул, Второй брат Ли в гневе стукнул кулаком по столу.

Если деньги имели огромную важность, то шёлковые ткани ценились ничуть не меньше денег и точно так же служили средством обращения. На рынке люди могли использовать шёлк напрямую для купли-продажи и бартера. Рост цен на шёлк повлёк за собой подорожание остальных товаров, и те один за другим поползли вверх. Крестьяне же, видя, что растут цены и на шёлк, и на зерно, последуют общему примеру и станут сбывать кто шёлк, кто зерно.

— Если дома есть излишки шёлка, их ещё можно сменять на монеты, но вот что касается зерна — с ним лучше соблюдать осторожность.

Третий брат Ли посмотрел на отца Ли, ни капли не сомневаясь в решении отца.

Госпожа Ли притянула к себе Цзиньнян:

— У нас с Цзиньнян на руках ещё есть пара рулонов шёлка, у Циннян тоже имеются остатки — продать всё?

Циннян звали невестку Ли Сюй-ши, её полное имя было Сюй Цин.

Третий брат Ли не одобрил поступок матушки:

— Матушка, боюсь, тут таится какой-то подвох. В нынешней неопределённой обстановке лучше оставить кое-что на самый крайний случай.

В конце концов решающее слово взял отец Ли:

— Послушаемся Третьего: зерно продавать не будем, а вот немного шёлка сменяем на серебро.

<http://bllate.org/book/20806/2091669>